

ромъ желудка и болѣзнь его прошла послѣ отслуженной на могилѣ Митрополита Іосифа Убіеннаго панихиды 2 Сент. 1899 года и возложенія на больного сына ея срачицы сего Угодника. Жительство имѣеть въ 6 уч. 2 Адмирал ул. д. Ермакова.

5) Діаконъ градской Гостинно-Николаевской церкви Андрей Васильевъ Воробьевъ, въ бытность свою діакономъ при Кафедральномъ Соборѣ, въ 1893 году получилъ исцѣленіе отъ зубной боли послѣ совершенія панихидъ на могилѣ митроп. Іосифа Убіеннаго; до этого времени не могъ излечиться никакими медицинскими средствами, а съ этого времени боль прекратилась и доселѣ не чувствуется. (Сообщ. зашт. Псал. Ид. Ющиньямъ).



**Бывшій Инспекторъ Астраханской Духовной Семинаріи  
статскій совѣтникъ Яковъ Васильевичъ Лебединскій.**

(Продолж. См. № 18 Е. В.).

За время своей учебно-педагогической службы Яковъ Васильевичъ вполне ознакомился съ своимъ дѣломъ и достигъ того, что семинарія, не смотря на частую смѣну ректоровъ, всегда была въ числѣ такихъ, въ которыхъ учебно-воспитательное дѣло было поставлено весьма удовлетворительно. Г. Ревизоръ Членъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ М. Х. Григоревскій, ревизовавшій Семинарію въ 1896/7 учебномъ году въ своемъ отчетѣ говоритъ о покойномъ Я. В., что онъ съ особеннымъ усердіемъ относится къ исполненію своей обязанности, ему хорошо извѣстны характеръ и настроеніе каждаго ученика; неоднократно въ теченіи дня посѣщая учащихся, онъ приучалъ воспитанниковъ къ порядку и исполнительности и за свою благожелательность, спокойный и твердый характеръ, пользуется высокимъ авторитетомъ среди учащихся, такъ что при бдительномъ такомъ надзорѣ за воспитанниками поведеніе ихъ можетъ быть названо вполне хорошимъ. Они усердны къ храму Божію, почтительны и послушны; грубыхъ поступковъ въ послѣдніе годы вовсе не замѣчается за ними, случаевъ непочтительности и грубости вовсе не встрѣчается.

Годы 1880—83 были весьма тяжелы для семинаріи, говорится въ томъ-же отчетѣ, въ особенности по причинѣ душевной болѣзни бывшаго Ректора ея Протоіерея П. А. Попова, который и въ сей болѣзнь

продолжалъ значительное время оставаться въ семинаріи; нужно было слѣдить и за больнымъ Ректоромъ, чтобы онъ не причинилъ какого нибудь вреда себѣ и семинарскимъ зданіямъ, и вмѣстѣ за воспитанниками, которыхъ Ректоръ своими рѣчами могъ склонить къ какому либо неразумному дѣлу. Какъ опытный, уступчивый и предусмотрительный и вмѣстѣ безукоризненно честный, онъ съ умѣлъ благополучно выйти изъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Бывшій послѣ Протоіерея П. А. Попова новый Ректоръ. (покойный архим. Амвросій) при неизлѣчимой болѣзни своей, также не въ силахъ былъ заниматься семинаріей и опять весь трудъ наблюденія за ходомъ обученія и за нравственностію учащихся лежалъ на инспекторѣ Лебединскомъ. Почему Г. Ревизоръ въ виду особенныхъ трудовъ инспектора Лебединскаго, отличающагося вообще опытностію хорошаго воспитателя и примѣрнымъ усердіемъ преподавателя, представилъ его благоволителюму вниманію Высшаго Начальства.

Что касается метода воспитанія, то нужно сказать, что покойный Я. В. къ карательнымъ мѣрамъ почти не прибѣгалъ, или, если и принималъ таковыя, то только въ исключительныхъ случаяхъ, и это было печалью и страданіемъ для его доброй души. Вотъ напр. что онъ самъ пишетъ, между прочимъ, въ своемъ дневникѣ: «Понедѣльникъ... по истинѣ оказался тяжелымъ днемъ, нужно было оштрафовать голоднымъ столомъ Ш., по жалобѣ на него учителя французскаго языка Б.» Вообще же карательныя мѣры, читаемъ въ его же дневникѣ, отъ частаго и не вполне разборчиваго употребленія могутъ терять нравственную силу и обращаться въ тѣлесное наказаніе. А для искорененія всѣхъ беспорядковъ, пишетъ покойный, для благоустроенія воспитательной части мною приложены были чрезвычайныя условія.—Приходилось даже проводить безсонныя ночи,—испытывать душевныя потрясенія до упадка силъ. Разрушая старую систему воспитанія и создаю новую,—я самъ стоялъ вездѣ первый. Не было опущено ни одной молитвы, ни одной службы, ни одного класса,—чтобы вездѣ подать собственный примѣръ исправности. Вниманіе мое всегда сосредоточено на ученикахъ, чтобы имъ ясно было, что ни одинъ шагъ ихъ не остается безъ наблюденія..... Тѣмъ труднѣе было вести дѣло, что я старался исправлять все къ лучшему, не прибѣгая къ карѣ, а дѣйствуя словомъ убѣжденія, «вразумленія», предостерегая всѣми способами молодыхъ людей отъ различныхъ

промаховъ и проступковъ». И благодаря такому методу воспитанія, именно, чисто отеческаго воздѣйствія на учениковъ, Я. В. достигъ сыновней любви и уваженія со стороны учащихъся, а со стороны ихъ родителей полное довѣріе и признательность. Сказанное подтверждается тѣми многочисленными письмами, которыя остались послѣ покойнаго. Въ стихотвореніи, напр., прочитанномъ ему однажды въ день ангела однимъ изъ воспитанниковъ, онъ назывался мудрымъ воспитателемъ, за грѣхъ праведнымъ карателемъ, но въ чистомъ сердцѣ котораго не было злобы, или коварства; за что и любимъ мы тебѣ, говорится дальше; отцомъ называемъ дорогимъ, въ совѣтахъ и наставленіяхъ котораго слышится родительскія голосъ — святая доброта. Если и серднишься когда, то ненадолго: благой совѣтъ изъ устъ сейчасъ лѣтитъ. «Изъ злобы и лести не погубишь никого; за это мы благословляемъ тебя, защитника, отца и дорожимъ тобой, съ усердіемъ все мы призываемъ благословеніе Творца на трудъ святѣйшій твой».

И вышедшіе изъ семинаріи питомцы ея сохранили въ себѣ далеко за предѣлами семинаріи чувство благодарности къ воспитавшему ихъ Якову Васильевичу. Приведемъ цѣликомъ письмо бывшихъ воспитанниковъ Семинаріи — питомцевъ Як. Вас., присланное ему ко дню Ангела въ 1896 году, въ годъ оставленія Яковымъ Васильевичемъ службы въ Семинаріи (отъ питомцевъ и студентовъ Каз. Дух. Акад.). Наступаетъ 23 Октября, — тотъ день, который много лѣтъ былъ хорошо извѣстенъ каждому воспитаннику Астраханской Духовной Семинаріи, какъ день Ангела любимаго и уважаемаго начальника и воспитателя. И вотъ въ этотъ день тѣ изъ питомцевъ этой Семинаріи, которые уже проходятъ новый курсъ воспитанія и обученія въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія, считаютъ своимъ пріятнымъ долгомъ вспомнить; хотя слабымъ, но добрымъ словомъ и еще болѣе добрымъ чувствомъ того, кто въ теченіи шести лѣтъ ихъ семинарнаго обученія былъ всегда въ этотъ день предметомъ проявленія съ ихъ стороны особыхъ чувствъ: глубокаго уваженія, сердечной признательности и чистаго юношескаго расположенія. Хотя нынѣ, послѣ многотрудной и плодотворной тридцатилѣтней педагогической дѣятельности, Вамъ Господь и судилъ оставить ближайшее участіе въ нелегкомъ дѣлѣ воспитанія и обученія духовнаго юношества, — но тѣмъ не менѣе мы, ваши бывшіе питомцы, твердо вѣримъ, что дѣло это по прежнему

близко вашему любящему сердцу, и по этому въ своихъ воспомина-  
 няхъ мы неизмѣнно представляемъ Васъ нашимъ начальникомъ—  
 воспитателемъ и не можемъ отрѣшиться отъ этой мысли. И вотъ въ  
 этихъ то отраднхъ юношескихъ думяхъ о недавномъ свѣтломъ прош-  
 ломъ тотчасъ же рисуется предъ нашими духовными очами вапъ симпа-  
 тичный образъ,—образъ человѣка, всю жизнь свою посвятившаго на-  
 служенію великому дѣлу христіанской педагогич. И, конечно, на про-  
 тяженіи столь немалого періода времени, много было самыхъ разно-  
 образныхъ колосьевъ на той обширной нивѣ, которая была ввѣрена  
 вашимъ заботамъ и попеченію,—колосьевъ, которые вамъ слѣдовало  
 возрастить и взлелѣять до того, чтобы они окончательно созрѣли и дали  
 изъ себя въ послѣдствіи духовную пищу человѣчеству: была здѣсь и чистая  
 пшеница, легко и быстро поддающаяся дѣйствию заботъ полевого труже-  
 ника и дающая плодъ благопотребный во время свое, были и тощія, худо-  
 сочныя зерна, за которыми нуженъ былъ особый бдительный уходъ и  
 присмотръ, чтобы не погнибли они на полупути своего возрастанія;  
 были и прямо сорныя травы. Но во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ этому  
 живому юному полю далеко не похожи были вы, дорогой Яковъ Василье-  
 вичъ, на тѣхъ приточныхъ приставниковъ евангельской міровой нивы,  
 которые въ своей дѣятельности и заботахъ о ней стремятся прежде  
 всего, какъ можно скорѣе удалить съ нея всё, кажущіеся имъ не-  
 умѣстными, элементы. Нѣтъ, ваша добрая душа всегда хорошо пони-  
 мала, что въ дѣѣсть и въ мірѣ духовномъ красное солнце, которое  
 своими живительными лучами можетъ сдѣлать просто чудеса,—возра-  
 стить и укрѣпить до полной зрѣлости, не только добрую,—здоровую  
 пшеницу, но и больное, слабое зерно,—и даже смягчить и грубую,  
 сорную траву; это красное солнце—истинная и благоснисходительная  
 любовь христіанская! И вотъ лучи этого краснаго солнца въ изобиліи  
 исходили изъ вашего добраго сердца и своимъ благотворнымъ свѣтомъ  
 освѣщали и согрѣвали все живое поле, ввѣренное вашимъ заботамъ  
 и попеченію! И не было лицепріятія, или пристрастія, или какого либо  
 рѣзкаго различія во всѣхъ вашихъ отношеніяхъ къ многочисленнымъ,  
 возраставшимъ подъ вашимъ отеческимъ руководствомъ, питомцамъ  
 вашимъ. То не были отношенія законника, для котораго важно и до-  
 рого только соблюденіе вѣншихъ юридическихъ требованій, то не  
 были отношенія сухаго формалиста, главной заботой котораго является

лишь сохраненіе наружнаго порядка и благоприличія во вѣренномъ ему заведеніи, и который не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, какими, иногда, быть можетъ, слишкомъ жестокими и безчеловѣчными, средствами, этотъ порядокъ достигается; то не были отношенія холоднаго, безсердечнаго начальника, который въ жертву этому порядку не поколеблется принести будущность и судьбу не одного своего питомца. Нѣтъ; то были отношенія любящаго отца многочисленнаго семейства ко всемъ своимъ дѣтямъ—отца, для котораго миль и дорогъ каждый его сынъ, хотя бы и далеко неотличающійся идеальными качествами,—отца, который готовъ покрыть своею любовью каждую вину своего сына, лишь обративъ ее къ его духовной пользѣ и назиданію! То были отношенія, проникнутыя всецѣло тѣмъ свѣтлымъ евангельскимъ солнцемъ, которымъ Отецъ нашъ небесный сіяетъ на злыхъ и благихъ! И творили благовѣрные лучи этого христіанскаго солнца поистинѣ великія чудеса въ вашей педагогической дѣятельности на нивѣ духовнаго возвращенія! Слабые и худосочные колосы, которые, какъ казалось, достойны были только удаленія съ поля, какъ такіе, отъ которыхъ нельзя было ожидать никакого плода, возростали, укрѣплялись, созрѣвали и приносили въ свое время по силамъ своимъ духовную пищу человѣчеству, постоянно благословляя ту руку, которая не исторгла ихъ, какъ безплодныхъ, но мудро возрастила и укрѣпила! А о дорогомъ по природѣ сѣмени нечего и говорить: оно возрастало во всей красотѣ и давало обильный плодъ для церкви Божіей! И создали такія ваши отечески-любеобильныя отношенія къ намъ, всемъ вашимъ питомцамъ то, что память, глубокоблагодарная память о васъ никогда не умретъ въ сердцахъ нашихъ! И нынѣ, когда вы, послѣ долголѣтней, многотрудной и самоотверженной дѣятельности, удалились на покой отъ нелегкихъ трудовъ своихъ и законно можете пользоваться этимъ покоемъ,—подобно тому, какъ скромный полевой труженикъ отдыхаетъ и наслаждается отъ плодовъ рукъ своихъ,—мы считаемъ своимъ отраднымъ нравственнымъ долгомъ принести вамъ, своему дорогому воспитателю и учителю, въ день вашего ангела это скромное и сильное словесное выраженіе нашей искренней любви и глубокаго уваженія. Отъ всей души привѣтствуя васъ съ наступленіемъ этого радостнаго дня для васъ и для насъ дня, мы молимъ Господа Бога, да поддержитъ онъ тихій немерцающій свѣтъ

наступающаго вечера вашей жизни еще на многіе и многіе годы—на радость всѣхъ знающихъ, любящихъ и уважающихъ васъ и въ поучительное назиданіе всѣмъ тѣмъ вашимъ питомцамъ, которымъ предлежитъ нелегкій путь педагогической дѣятельности».

Съ такимъ же чувствомъ любви и уваженія относились къ Я. В. и родители учениковъ. Одниъ напр. пишетъ; «Много—много я насыщался отъ воспитанниковъ вашей семинаріи, въ особенности же отъ сына своего Василія о вашихъ добродѣтеляхъ и отцовскихъ ласкахъ къ воспитанникамъ и свѣтскаго происхожденія въ частности къ Донцамъ... добрѣйшій благодѣтель.» Другой такъ обращается къ нему; «Достойный отецъ и наставникъ, которому я вполне довѣрялъ воспитаніе своихъ дѣтей... благодарный вамъ, постоянный за васъ молитвенникъ»... А вотъ и еще: «не имѣю словъ, коими бы я могъ выразить благодарность, какую чувствуетъ сердце мое. Кто не испытывалъ того труда, который вы несете много дѣтъ; воспитывая нашихъ дѣтей умственно и нравственно,—претерпѣвая всевозможныя труды, лишенія и заботы, тотъ только не можетъ развѣ достойнымъ образомъ оцѣнить и быть неблагодарнымъ...» И много, много другихъ писемъ въ этомъ родѣ присылалось къ нему и изъ Астраханской епархіи и другихъ мѣстъ.

Еще болѣе симпатичны были отношенія къ нему его сослуживцевъ, что особенно выразилось въ адресѣ, поднесенномъ ему въ день двадцатипятилѣтняго юбилея его службы 23 Сентября 1885 года. Въ немъ читаемъ: нынѣ исполнилось XXV лѣтъ вашей службы на духовно-учебномъ поприщѣ. Обозрѣвая Вашу дѣятельность за это время, мы невольно проникаемся чувствомъ глубокаго уваженія къ вамъ и считаемъ пріятнѣйшимъ для себя долгомъ засвидѣтельствовать предъ вами объ этомъ. Служба педагогическая не легка вообще; много нужно такта и умѣнья, чтобы стать на высотѣ своего призванія. Но на вашу долю выпало проходить эту службу при особенно трудныхъ условіяхъ. Вамъ пришлось служить при трехъ различныхъ реформахъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ. Добросовѣстное, умѣлое выполненіе ихъ задачъ и проведеніе ихъ въ жизнь окружающей васъ среды требовало недюжинныхъ способностей и трудовъ. И вы сумѣли явиться вполне достойнымъ вашего призванія. Независимо отъ указаннаго условія трудность Вашей службы увеличивалась и разнообразіемъ вашихъ обязанностей. Вы до-

слѣдовательно проходили должности: Смотрителя Духовнаго Училища, Преподавателя и Инспектора Семинаріи. Такимъ образомъ въ лицѣ своемъ, какъ наставникъ и воспитатель, воплощали полноту педагогическаго дѣла. Но при своемъ обычномъ трудолюбіи и добросовѣстности Вы проявили вездѣ вѣрное пониманіе педагогическихъ задачъ, чему свидѣтели и мы, ваши сослуживцы и цѣлая поколѣнія вашихъ воспитанниковъ. При такой разнообразной дѣятельности наставника и воспитателя вы еще находили возможность дѣлиться своими литературными трудами съ публикой и занимались изданіемъ мѣстнаго духовнаго органа Епархіальныхъ Вѣдомостей. Наконецъ, не можемъ умолчать и о томъ, что исполненіе вами многостороннихъ служебныхъ обязанностей всегда отличалось самымъ благороднымъ и искренне-сердечнымъ отношеніемъ къ намъ—вашимъ сослуживцамъ,—что мы всегда высоко цѣнили и не перестанемъ цѣнить.

(Продолженіе будетъ.)

**Протоіерей Константинъ Теодоровичъ Смиренномудровъ:**

(† 8 Сент. 1899 г.)

Въ среду 8 Сентября, въ день Рождества Пресвятой Богородицы, около 11½ ч. утра, скончался на 73 году жизни одинъ изъ старѣйшихъ представителей Астраханскаго духовенства, бывший настоятель градской Смоленской церкви, о. прот. Константинъ Теодоровичъ Смиренномудровъ.

Полувѣковая жизнь почтеннаго пастыря, много потрудившагося на пользу церкви и духовнаго образованія юношества, весьма богата казиданіемъ и очень поучительна для каждаго изъ насъ; поему мы намѣрены въ настоящей статьѣ привести на память хотя нѣкоторыя, наиболѣе важныя обстоятельства изъ его жизни.

О. Константинъ Теодоровичъ, сынъ дьячка, родился 9 Мая 1827 г. въ Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, въ с. Боровенькѣ. Получивъ первоначальное домашнее и школьное воспитаніе на мѣстѣ родины, оцъ 12 лѣтнимъ мальчикомъ, вмѣстѣ со своимъ отцемъ Теодоромъ Петровичемъ Стефановымъ, переехалъ на жительство въ г. Астрахань и здѣсь для продолженія своего образованія, поступилъ во 2-классъ Духовнаго Училища. Ровно преезъ годъ по прибытіи въ нашъ край, отецъ Теодоръ Стефановъ,—который къ тому времени получилъ мѣсто діакона въ с. Поповицкое, Черноярскаго уѣзда, — волею Божіею скончался и на рукахъ овдовѣвшей жены его осталось четверо малыхъ дѣтей, почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Тяжела и неприглядна была жизнь осиротѣвшаго семейства. Много горя и нужды ис-